

УДК 130.2(0893)

**ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА КАК ОПЫТ
САМОПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

Ю.Ю. Кобзева, аспирант кафедры философии Харьковского
национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Статья представляет собой попытку рассмотрения жанровой формы эссе как факта философской антропологии, так как речь идет об экзистенциализации философско-антропологических размышлений. Эссе стало не только инновационной художественной формой, но и возможностью для множества авторов XX-XXI веков способом обретения личной языковой автономии, интуиции, овеществленной эмоции, проблематизации опыта Другого. Основная интенция эссе – это обращенность взгляда пишущего на себя, это опыт, поставленный на самом себе. Эссе как форма коммуникации объединяет и объективизирует в себе следующие интеллектуальные процедуры: первая – это саморефлексия, вторая – интерпретация и третья представляет собой проблематизацию как интеллектуальную процедуру.

Ключевые слова: философская антропология, саморефлексия, интенция, эссе, интерпретация, интуиция, опыт, языковая автономия.

Стимулом для философствования, а конкретнее, для философской антропологии является усложнение осваиваемого мира, недостаточность для этого ранее сложившихся смыслов. Та или иная эпоха постоянно формирует в сознании современников наиболее вероятные константы облика самого человека и его жизненного пути. Для философской антропологии как самостоятельной области знаний человек предстает в качестве определенной антропологической целостности. Философская антропология XXI века деконструирует прежний слишком абстрактный, схематичный, привычный, предсказуемый образ человека. Центральной проблемой становится не столько проблема самого человека, сколько проблема его самоопределения.

В работах Адорно Т, Делеза, Н. Бердяева, А. Лосева, А. Мейера, Л. Шестова, Г. Шпета, Киркегора, Ницше, Фрейда, Камю, Сартра, Фуко прослеживается радикальная переоценка научного, строго логического знания о человеке и постановка вопроса об укорененности человека в бытии, попытка «охватить» человека в его жизненной конкретности. Образ отвлеченного «общечеловека» оказался слишком абстрактным, механистичным, предсказуемым, что не соответствует глубочайшим человеческим страстям и эмоциям. «...мы должны прибегнуть...к драматической манере повествования, ибо здесь перед нами не мирное развитие идей и теорий, но столкновение борющихся сил...здесь вся человеческая судьба в ожидании последнего суда» [3, 11].

Коль скоро мы ведем речь об экзистенциализации философско-антропологических размышлений, статья представляет собой попытку рассмотрения жанровой формы эссе как факта философской антропологии. Эссе стало не только инновационной художественной формой, но и возможностью для множества авторов XX-XXI веков способом обретения личной мыслительной, языковой автономии, интуиции, овеществленной эмоции, проблематизации опыта Другого. Как жанр философская эссеистика сталкивается со сложностями в виде скопления потерявших свою эффективность жестких программ традиционализма, ритуалов, программ, непригодных в сложившихся условиях. И существование такого жанра можно трактовать как попытку сдвинуть ранее сложившиеся культурные коды, ментальные ландшафты, смыслы, схематизмы проблем на основе нового уровня сложностей осваиваемой реальности, осознания новых опасностей, необходимости разрешать все более сложные задачи. Жанр раскрывается через потребность в диалогизации посредством глубинного творческого стремления человека непрерывно искать новые пути самоутверждения в мире, несогласии субъекта на свое исчезновение в омуте небытия в результате случайностей бездушных природных процессов, капризов идолов, произвола других людей, собственной незрелости, стрессов, сформулировать сложности осваиваемого мира смыслы. Философская эссеистика, на наш взгляд – это высшая творческая рефлексивная способность поиска, превращения немислимого в мыслимое, объяснения культурных мутаций, - это движение всеобщего как диалога.

Поэтому исторически жанровая форма эссе формируется и специфицируется в русле тех форм интеллектуального письма, которым была свойственна повышенная рефлексия пишущего. Черты будущей формы эссе обнаруживаются в «Письмах к Лукрецию» Сенеки, Марка Аврелия, чье «Наедине с собой» уже в названии обнаруживает одну из, пожалуй, самых главных характеристик эссе как жанра. Но при этом ни сами авторы, ни общество не воспринимали эти произведения в качестве литературы, так как отсутствовало само понятие «литература», как, впрочем, и понятие «писатель», как тот, кто может транслировать личное через свое, а не чужое слово. Обязательным считалось цитирование Авторитетов, первоисточников, что совершенно отсутствует в эссе, где нет скованности и необходимости цитирования как доказательства достоверности излагаемой позиции и Истины. Безусловно, что классическим образцом эссеистической формы стали «Опыты» М. Монтеня, который впервые и употребил само слово «эссе». Как

правило, и в период Средневековья и раннего Возрождения для автора, точнее, комментатора был заказан путь к индивидуальной рефлексии, пишущий служил «пером» в руках Создателя, он – только посредник, толкователь. Во Франции XVII элементы эссеистического жанра прослеживаются в работах Н.Мальбранша, Б.Фонтенеля. В Англии же среди жанров интеллектуального письма до середины XVII первую скрипку играют трактаты, проповеди, памфлеты, появлению которых содействовало развитие журналистики.

Эпохой систем стала эпоха Просвещения – эпоха классического рационализма. А само философское произведение являло собой завершённую систематическую форму, где не было места «наброскам», «незаконченным мыслям», наитию, интуиции, свободному полету мысли – форма произведения должна была быть «аристократична» и благородна. Не приветствовалась любая неупорядоченность, сумбурность, бессистемность, непоследовательность. Язык и форма произведения должны были соответствовать канонам. Любой хаос в изложении не был бы понят и оценен.

Стоит отметить, что эссеистическая форма проявила свои черты и в литературе России XVIII. Проводником ее, как бы удивительно это не было, была Екатерина II. Литературная деятельность императрицы была богата и разнообразна, она писала пьесы, философские сказки, исторические труды, вела громадную переписку. Однако значимое влияние на общественную мысль оказали ее опыты на поприще журналистики. Издаваемый ею журнал «Всякая всячина» в форме небольших, искрометных эссе высмеивал недостатки окружающего мира: позерство, ханжество, бездумное копирование иностранных обычаев. Под крылом «Всякой всячины» оперились многие русские сатирические журналы. Поскольку руководство журналом со стороны императрицы было анонимно, в обществе имелась возможность вести с ним открытую полемику. В своих небольших эссеистических зарисовках Екатерина не считалась с канонами и образцами для подражания. Своим глубоко практическим умом она понимала всю непригодность высокого слога, старалась писать как можно ближе к простой разговорной речи, и в этом отношении она решительно превосходила многих современников, более ее литературно талантливых. «Слова класть ясные и буде можно самотеком, красноречия не употреблять, разве само собою на конце пера явится» – так выразила императрица свои воззрения на литературное творчество в «Завещании» [2, 6-7]. В «Наброске начерно философа в пятнадцать лет», который Екатерина нашла среди своих юношеских заметок в 1757, виден глубочайший самоанализ, знание всех изгибов и тайников

души, нет здесь ни позы, ни кокетства. В дальнейшем Екатерина II написала «Собственноручные записки императрицы Екатерины II» - это ее автопортрет, не менее верный, чем парадные портреты кисти Левицкого и Боровиковского, пожалуй, более глубокий и реалистичный. Помимо пристального самоанализа, оценки собственных способностей и возможностей, Екатерина дает в «Записках» выпуклую картину нравов и обычаев дворянства, перед читателем психологический срез как самой личности автора, так и окружающих ее людей. Это еще и женская исповедь. Руссо написал свою «Исповедь», несомненно, более дерзкую, «оголенную», что так присуще жанру эссе.

В XIX веке эссе становится одной из основных форм философско-эстетической полемики у романтиков (Г.Гейне, Г. Торо), во Франции Сент-Бев писал «Беседы по понедельникам» и «Новые понедельники», образцом эссеистической формы стала «Книга масок» Реми ле Гурмона. Но лишь вторая половина XIX столетия дала потенцию рецепции интеллектуального письма. Согласно М. Фуко, именно в этот период язык приобретает «плотность», становится объектом познания, наряду с другими объектами – «живыми существами, с богатством и стоимостью, с историей событий и людей»[8, 112]. Сама мысль напитывается образностью, ввергается в пучину конкретностей, жизненного «замеса». Практика афористического письма Ф. Ницше является здесь показательным примером, так как афоризм – это форма выражения «аритмичного» мышления Ницше. Его не устраивает книга как упорядоченная идея. Письмо упорядочивается волей, волей к асистемности, нет центра и перспективы, конца и начала, «аритмия» рвет привычное восприятие текста, здесь нет монументальности, чертежности, отличавшей философские памятники предшествующих эпох. Окружающий мир Ницше сравнивает с темным лесом, но «...он еще больше и скорее похож на бездонное богатое море...Особенно человеческий мир, человеческое море». Себя же он сравнивает с рыболовом, который закидывает золотую удочку и говорит: «...развернись, человеческая бездна!» [6, 171]. И он опускается в эту бездну покорности, скромности, благоразумия, старания, осторожности, жалкого довольства, «счастья большинства!», призывая не превращаться в «господ сегодняшнего дня». «И лучше уж отчаивайтесь, но не сдавайтесь» [7, 207]. В этом отношении афористичная эссеистика Ницше, да и вообще, эссе как жанр, наделено несравненно большей свободой, чем чисто философские тексты, оно может осуществлять рефлексию средствами самой своей формой.

XX век одарил нас множеством блестящих образцов литературно-философской эссеистики. Это и «Что такое литература?» Жана-Поля Сартра, «Миф о Сизифе» Альбера Камю, «Опыты конкретной философии» Габриеля Марселя и «К портрету Пруста» Вальтера Беньямина, и многие другие. Эти авторы известны как философы-литераторы, прославившиеся именно своей эссеистикой.

Итак, в научном тексте важна концептуальная упорядоченность, которая не зависит от текстуального оформления. В эссе же доминантой выступает сам план выражения, уникальная фигуративная структура. Сложность эссеистической формы как феномена заключается в особенных отношениях образа и концепта, которые часто сливаются в неделимое целое. Указать на те пласты реальности, которые постоянно ускользают от понимания, отличает эссе от научных текстов. Эссе не требует недвусмысленного понимания высказывания. К эссе в полной мере применим тезис Т. Адорно «форма есть выпавшее в осадок содержание». Пренебрегая концептуальной целостностью, где ориентир – Истина, эссе отдает предпочтение уникальности языкового выражения, многоуровневой проблематизации самого объекта, мысли, языка, тем самым обнаруживая огромный коммуникативный потенциал, когда «Бытие без другого...не имело бы смысла, будучи лишь имманентностью собственного полагания...» [5, 92]. Основная интенция эссе – это обращенность взгляда пишущего на себя: «...это опыт, поставленный на человеческой способности суждения, на себе самом» [4, 352].

Эссе как форма коммуникации объединяет и объективизирует в себе три интеллектуальные процедуры. Первая – это саморефлексия, проба, опыт, аскеза, непрерывное движение мысли, это знак вопрошания не только к предмету, но и к самому себе. Это непрерывное созерцание, проверка, испытание самого себя. Вторая исследовательская процедура – это интерпретация. Эссеист упорядочивает и осмысливает собственный опыт восприятия Другого, формирует личностное видение мира, интерпретирует культурные смыслы - все это тесно переплетено с опытом, мироощущением, личностными установками, биографией. Проблематизация - это третья интеллектуальная процедура, характеризующая эссе. Для Т. Адорно в его концепции произведения как становления, эссе представляло собой художественный жанр, отражающий момент зарождения мысли. Для характеристики способа работы эссеиста Адорно сравнивает его с путешественником, который не знает языка чужой страны и может полагаться только на собственный опыт.

Эссеист остраняет опыт привычных представлений и ожиданий читателя, освобождает и себя и читателя от навязчивого дискурса, который диктует привычный взгляд на вещи, и как следствие, возникают образы-объекты доселе невозможные в дискурсе классической рациональности. Имена собственные (первоначально мифологические, позже – просто слова обыденного языка) все сильнее проникают в тексты, более того, начинают собирать тексты вокруг себя, превращаясь в интеллектуальную провокацию («Авраам» Киркегора, «Аполлон» и «Дионис» у Ницше, «Сизиф» у Камю, «Цитадель» у Сент-Экзюпери, «Эдип» у Фрейда). Все эти фигуры, вплетаясь в философский текст, провоцируют читателя на самостоятельную активность, дают право на личный ассоциативный ряд, на право не бояться заглянуть в бездну своего Я.

В эссе отсутствует ангажированность, давление формата, нормативных предписаний, которым должен соответствовать текст какого-либо иного формата или жанра. Эссе способно сколь угодно далеко отходить от повода, и в тоже время эта форма мыслетворчества требует от конкретного читателя значительных усилий интерпретации, нащупывание пределов мысли, которая пытается постигнуть Иное, познать себя самого, что означает узнать о себе и многое такое, что вряд ли «захочется» знать. Например, что и тебе не чужды такие человеческие чувства, как злость, зависть, зависимость, тщеславие, агрессивность и т.п., что нас охватывает порою жуткий страх при мысли о единственности нашего существования. На этом фоне проявляется человеческая жизнь с ее успехами и неудачами, с ее бурными страстями, соблазнами, искушениями, минутами счастья, часами горести и печали. Мнение автора эссе сосуществует с огромным разнообразием других мнений, которые вбираются в само тело эссе в качестве сомнений или со-мнений. Мысль в эссе развивается в самых неожиданных и противоположных направлениях, охватывая все поле открывающихся возможностей. Никакой монолог, никакой метод уже не могут всерьез претендовать на полное овладение реальностью, на вытеснение других предшествовавших им методов. Все коды, языки, философские школы, художественные направления теперь являются знаками культурного языка, в совокупности являя новые полифонические произведения человеческого духа. Поэтому современное искусство, литература, философия постоянно скрещивают разные методы и жанры, образы и понятия из разных эпох и систем, создавая алфавит культурного метаязыка, двигаясь в сторону его универсального применения.

Таким образом, философская эссеистика, виртуозно владея метаязыком, демонстрирует широкую проблемно-тематическую палитру человеческой жизни, дает человеку возможность удостовериться в подлинности и неслучайности своего пребывания в мире, подбирая аргументы сопричастности, укорененности в бытии, помогая человеку обрести Имя, без придумывания различных утешительных идей, - просто обрести доверие к наличию Абсолютного Другого.

Литература

1. Адорно Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М., 2001. – С.205.
2. Екатерина II. Произведения литературные / Сочинения императрицы Екатерины II. – М., 1990. С. 6-7.
3. Кассирер Е. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. – М., 1998. – С. 11.
4. Коган-Берштейн Ф.А. Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты В 3 кн. М.: Наука, 1979. Кн. III. С. 352.
5. Нанси Ж.-Л. О событии // Ж.-Л. Нанси. Философия М. Хайдеггера и современность. – М., 1991. – С. 92.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ф. Ницше. Сочинения в 2 т. Т 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 171.
7. Там же. С. 207.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. Н.С. Автономовой, В.П. Визгина. – СПб.: А-сad, 1994. – С. 112.

ФІЛОСОФСЬКА ЕСЕЇСТИКА ЯК ДОСВІД САМОПІЗНАННЯ ЛЮДИНИ

Ю.Ю. Кобзева

Стаття є спробою розглянути жанрову форму есе як факт філософської антропології, так як мова йде про екзистенціалізацію філософсько-антропологічних роздумів. Есе стало не тільки інноваційною художньою формою, а й можливістю для безлічі авторів ХХ-ХХІ століть способом набуття особистої мовної автономії, інтуїції, яка виражена в емоціях, в проблематизації досвіду Іншого. Основна інтенція есе – це спрямованість погляду того хто пише на себе, це досвід, який він ставить на самому собі. Есе як форма комунікації об'єднує і об'єктивізує в собі такі інтелектуальні процедури: перша – це саморефлексія, друга, дослідницька і третя інтелектуальна процедура являє собою проблематизацію.

Ключові слова: філософська антропологія, саморефлексія, інтенція, есе, інтерпретація, інтуїція, досвід, мовленнєва автономія.

PHILOSOPHICAL ESSAYS AS AN EXPERIENCE OF SELF-KNOWLEDGE OF AN INDIVIDUAL

Y. Kobzeva

This or that era are constantly forming in the minds of contemporaries the most probable constants of an image of an individual and their life path. For philosophical anthropology as an independent science, a person appears as a certain anthropological integrity. Philosophical anthropology of the XXI century deconstructs former too abstract, schematic, familiar, and predictable image of a person. The central issue is not as much a problem of an individual as the problem of their self-determination. This article is an attempt to review the essay as a fact of

philosophical anthropology. The essay grew not only in an innovative art form, but for multiple authors of the XX-XXI centuries it grew into a way of gaining personal mental and linguistic autonomy, intuition, materialized emotions, and problematization experience of Others.

In the works of Adorno, Deleuze, Berdyaev, Losev, Meyer, Shestov, Shpet, Kierkegaard, Nietzsche, Freud, Camus, Sartre, and Foucault it is observed a radical reassessment of the scientific, strictly logical knowledge about individual, the issue of rootedness of a human in objective reality, an attempt to "cover" the life of man in its concreteness. The image of an abstract "general-man" appeared too abstract, mechanistic, predictable, which mismatches the deepest human passions and emotions. The XX century brought us lots of brilliant samples of literary and philosophical essays.

Among them is "What is Literature?" by Jean-Paul Sartre, "The Myth of Sisyphus" by Albert Camus, "The Image of Proust" by Walter Benjamin, and many others. These authors are known as philosopher-writers famous particularly due to their essays.

The idea in the essay is developed in the most unexpected and opposite directions, covering the entire field of opportunities. Neither mono-language, no any method can no longer seriously claim to be complete mastery of reality, to displace other preceding methods. All codes, languages, schools of philosophy, art schools are now signs of cultural language, together showing the new polyphonic works of the human spirit.

Therefore contemporary art, literature, and philosophy, constantly mix different genres and methods, concepts and images from different eras and systems, creating a cultural meta-language alphabet, moving towards its universal application.

Keywords: philosophical anthropology, self-reflection, intention, essay, interpretation, intuition, experience, linguistic autonomy.